

его не стало» — и неприметность этой трагедии в масштабах Вселенной: «Из миллионов единый изторгнутый, не приметен в обращении миров» (I, 186). Из сферы индивидуального переживания мотив жизни и смерти переходит в сферу философского осмысления зла и страдания, которым подвержен человек в мире.

В «Житии Федора Васильевича Ушакова» поставлена проблема трагического несоответствия высоты духа человека и несовершенства его физической природы. В «Путешествии из Петербурга в Москву» и в оде «Вольность» несовершенства социального мира станут предметом не только политического, но и философского осмысления жизни. Радищевский герой — человек, необычайно остро воспринимающий мир; его индивидуальное ощущение — эмоциональный нерв повествования, первая ступень в своеобразной иерархии: личность — окружающая социальная действительность — мироздание. Так тема индивидуального мироощущения органически вошла в социально-политический и философский контекст «Путешествия». «Я взглянул окрест меня — душа моя, страданиями человечества уязвлена стала. Обратил взоры мои во внутренность мою — и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы» (I, 227). В центре всей системы мировоззрения Радищева — человек с его «горестями житейскими», с его безграничными возможностями к познанию мира и самого себя. «Я человеку нашел утешителя в нем самом», — говорит Радищев, утверждая этим пафос активности человеческой личности, утверждая богатство и полноту душевного мира человека. «... мысли мои, — говорит Путешественник, — обращены были в неизмеримость мира. <...> Но упражнения духовные не всегда нас от телесности отвлекают» (I, 232). Здесь понятие «телесности» иронично и двусмысленно: это и физическое ощущение, и тот нравственный толчок, который получает Путешественник после беседы с любанским крестьянином. Далее философский подтекст социального зла углубляется. В главе «Чудово» типичнейшее для России явление, казенщина и формализм, получает такое острое, трагедийное выражение именно благодаря соединению с темой индивидуального сознания. Бездушие «начальника» в пересказе кажется явлением чуть ли не обиденным: «... в должности ему непредписано вас спасти, сказал некто» (I, 241). Но это же бездушие выглядит преступлением, когда оно сопряжено с сознанием гибнущего человека: «В последний час, когда свет от нас преходить начинает и отвергается вечность, низпадают тогда все степени, мнением между человекoв воздвигнутые. Человек тогда становится просто человек. <...> Ужас последнего часа прободал мою душу, я видел то мгновение, что я существовать перестану. Но что я буду? Не знаю. Страшная неизвестность» (I, 236, 239; курсив мой, — Л. Л.). Тема «последнего часа» в художественной системе «Путешествия» призвана оттенить жестокость человеческих отношений, выступает своеоб-